

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-2.14>

Солнцева Наталья Михайловна, Баяна Хатиже

"КУЛИКОВО ПОЛЕ" И. С. ШМЕЛЕВА В ПРОЕКЦИИ ИДЕЙ В. В. ЗЕНЬКОВСКОГО

Статья посвящена интеллектуальному контексту и реальным источникам мотивов повести И. Шмелева "Куликово Поле (Рассказ следователя)". Ранее основная тема статьи - феномен чуда в интерпретации И. Шмелева и В. Зеньковского ("О чуде. Возможность и реальность чудес") - не являлась предметом научного осмысления. В результате авторами установлена общность ключевых идей текстов, восприятие писателем и философом метафизических явлений как реальности. Описана точка зрения Шмелева на идеи У. Джеймса, Зеньковского - на идеи А. О. Курно и И. Ильина, что вносит новые аспекты в исследование текста "Куликова Поля". Повесть рассмотрена как художественная рецепция Шмелевым своих духовных исканий и сомнений, что подтверждается его перепиской с И. Ильиным. В работе отмечается сюжетообразующая роль фактов из жизни искусствоведа, реставратора Ю. А. Олсуфьева.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/4-2/14.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 4(82). Ч. 2. С. 276-280. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 26.01.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-2.14>

Статья посвящена интеллектуальному контексту и реальным источникам мотивов повести И. Шмелева «Куликово Поле (Рассказ следователя)». Ранее основная тема статьи – феномен чуда в интерпретации И. Шмелева и В. Зеньковского («О чуде. Возможность и реальность чудес») – не являлась предметом научного осмысления. В результате авторами установлена общность ключевых идей текстов, восприятие писателем и философом метафизических явлений как реальности. Описана точка зрения Шмелева на идеи У. Джеймса, Зеньковского – на идеи А. О. Курно и И. Ильина, что вносит новые аспекты в исследование текста «Куликова Поля». Повесть рассмотрена как художественная рецепция Шмелевым своих духовных исканий и сомнений, что подтверждается его перепиской с И. Ильиным. В работе отмечается сюжетно-образующая роль фактов из жизни искусствоведа, реставратора Ю. А. Олсуфьева.

Ключевые слова и фразы: апостолы; Джеймс; Зеньковский; Ильин; Курно; Олсуфьев; теория вероятности; чудо; Шмелев.

Солнцева Наталья Михайловна, д. филол. н., профессор

Баяна Хатиже

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

natashasolnceva@yandex.ru; haticebayana@gmail.com

«КУЛИКОВО ПОЛЕ» И. С. ШМЕЛЕВА В ПРОЕКЦИИ ИДЕЙ В. В. ЗЕНЬКОВСКОГО

Повесть «Куликово Поле (Рассказ следователя)» (1939-1947) И. С. Шмелева отразила духовные искания самого писателя. Как известно, в жизни Шмелева – человека верующего – были и сомнения маловера, и попытки осмыслить Бога интеллектуально, и стремление воспринимать Его по-детски неумозрительно. Мы не видим осмысленного религиозного опыта в ранних произведениях Шмелева, например, в повестях «Служители правды» (1906), «В новую жизнь» (1907), рассказах «Гасан и его Джели» (1906), «К солнцу» (1906) (см.: Дунаев М. М. «Духовный путь И. Шмелева», 2009). В университетские годы он интересовался идеями дарвиниста К. А. Тимирязева, позитивиста Г. Спенсера, психологией И. М. Сеченова, взглядами М. Штирнера. Кризисность религиозного мировосприятия проявилась после гибели сына и смерти супруги. Эти трагедии побудили к написанию «Солнца мертвых» (1923) и православного романа «Пути небесные» (1944-1947), укрепивших его веру. В целом его творчество пронизано верой в Бога. Шмелев не раз обращался к сочинениям религиозных философов, в том числе В. Соловьева, «мощных энергий» мыслей которого «не избежала» [6, с. 22] его проза. Религиозно-философский контекст его произведений ярок, широк (вплоть до трудов Феофана Затворника) и говорит о глубоком погружении в сложнейшие проблемы бытия. Но доминантой в его размышлениях о явных и скрытых проявлениях жизни все же был первоисточник – Евангелие.

Содержание чуда в произведениях Шмелева соответствует специфике чуда в русской средневековой литературе. Феномен чуда есть уже в хождениях игумена Даниила. Чудо как факт жизни верующего человека и литературное явление связано с христианским пониманием иерархической упорядоченности бытия и его единичности. Отношение Шмелева к чуду как проявлению Небесных сил созвучно описанию чуда в труде религиозного философа В. В. Зеньковского «О чуде. Возможность и реальность чудес» (1929). В марте 1942 г. Зеньковский был рукоположен митрополитом Евлогием в священника. О расположенности Шмелева к Зеньковскому говорит его одобрительная реакция (см. письмо к О. А. Бредиус-Субботиной от 5/6 сентября 1945 г.) на неучастие последнего в торжественном приеме по случаю визита митрополита Николая, руководителя отдела внешних сношений Московского Патриархата, прошедшего в посольстве СССР 3 сентября 1945 г. Шмелев саркастично отозвался о приглашениях, разосланных советскими «амбассадорами» [4, с. 332].

Когда в письме от 30 марта 1947 г. Шмелев просил И. А. Ильина поддержать издание «Русской мысли», он среди других авторов назвал Зеньковского, подтверждая тем самым вдохновившее его направление газеты («Ориентация» церковная – Православная, непримиримая» [3, с. 111]). И это несмотря на не вполне лояльное отношение Ильина к Зеньковскому. В его письме к Шмелеву от 29 ноября 1945 г. есть гневные фразы: «Василия и Евлогия – презираю. Масоны проклятые» [2, с. 365]. Зеньковский, в свою очередь, воспринимал труды Ильина как проявление трансцендентализма, но отмечал, что ряд философов – и среди них Ильин – не удовлетворялись исключительно им и вступали на путь метафизики. Трактровку Ильиным («Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека», 1918) философского наследия Гегеля он считал и новой, и оригинальной, хотя признавал спорность некоторых положений и выводов. Во втором томе «Истории русской философии» (1948-1950) Зеньковский обращал внимание на скептическую интерпретацию Ильиным внеопытной философии. Сам он полагал, что опыт не исчерпывает содержания философии, что в философском творчестве действуют интуиции. Тема доверия или недоверия опыту – центральная в «Куликовом Поле».

Вопрос о чуде Зеньковский рассматривает в контексте спора верующих и неверующих. Последние полагают, что чудо несовместимо с научным знанием, предпочитают объяснять все явления естественными законами и исключают волю Бога. Для религиозного сознания, как пишет Зеньковский, отрицание чуда недопустимо: «Признание чуда глубочайше, неотъемлемо связано с самым существом веры» [1]. При этом научное описание фактов он рассматривает как достаточно поверхностное по сравнению с религиозным.

Импульсом к написанию «Куликова Поля» уже было чудо. 20 марта 1937 г. у могилы супруги Шмелев услышал от посетителя кладбища историю, которая впоследствии легла в основу сюжета и которую он воспринял как своего рода дар от умершей. Как Шмелев писал Бредиус-Субботиной 7 января 1942 г., в услышанную историю он внес личный опыт. Написание повести заняло многие годы. И потому, что слишком сложна тема иллюзии границ между миром привычным и миром тонким, и потому, что писатель, работая над текстом, постоянно его переписывая, исправляя, углублял собственную веру в чудо.

Сюжет повести невероятен, но реален. Время событий – восьмой год Советской власти, место – Сергиев Посад, переименованный в Загорск. На Куликовом поле объездчиком найден старинный крест, который передает бывшему хозяину тех мест, потомуку дружинника Димитрия Донского, сам Сергей Радонежский. Как отметил В. А. Сотков, в «Куликовом Поле» Шмелев, изображая святого, «отходит от агиографической традиции, создает художественный образ, который составляет смысловое ядро повествования, где основополагающей темой становится тема крестного пути русского человека, его страданий» [8, с. 16]. Основной акцент сделан на сознании «бывших», осевших после революции в Сергиевом Посаде.

События пересказаны судебным следователем, назвавшим себя малOVEROM. Кроме того, и герой по фамилии Среднев, в дом которого приходит Сергей Радонежский, – человек, предпочитающий логически объяснять необычные явления. Череда чудес, однако, приводит и того и другого к чистосердечной вере в явление Преподобного, в крест как знамение Неба.

У Среднева был реальный прототип – авторитетный искусствовед, реставратор (в частности, рублевской «Троицы»), автор научных трудов граф Ю. А. Олсуфьев. По благословению оптинского старца Анатолия после революции граф вместе с женой и сыном поселился в Сергиевом Посаде. Известно, что жена Олсуфьева (урожденная С. А. Глебова, известная по портрету, выполненному В. Серовым) во сне увидела святого Сергия, который подсказал ей поселиться рядом с его гробом. Олсуфьев стал главным хранителем ризницы, сотрудником Сергиевского историко-художественного музея. Сохранилась история о том, как в связи с надругательством над мощами (святые мощи выставлялись в атеистических музеях; в повести сказано: «...а мощи Преподобного... Го-споди!.. – в музей поставили, под стекло, глумиться» [9, с. 137]) и возможностью их уничтожения он, П. А. Флоренский (упомянут в повести Шмелева), граф В. А. Комаровский, а также будущие священники С. П. Мансуров и М. В. Шик – по благословению патриарха Тихона – скрыли голову Преподобного; ее долгие годы хранила семья Олсуфьева (см.: игумен Андроник Трубачев. «Судьба главы Преподобного Сергия», 2001). Олсуфьева арестовали в 1925, после освобождения он работал в столице в центральных реставрационных мастерских, затем в Третьяковской галерее. В финале повести сообщается о том, что герой куда-то спешно уехал; время отъезда вычисляется легко – 1925 г. В 1938 г. Олсуфьев был расстрелян.

Произошедшее со Средневым основывалось на реальных событиях. 8 апреля 1937 г. Шмелев пересказывает Ильину услышанную историю: «Рассказ будет называться “Куликово Поле”... <...> И это было! Исторически, с определенными лицами. Там было имение Олсуфьевых. И этот Олсуфьев – Юрий – его знают многие здесь, был собирателем старинных реликвий. Осень – ? – под вечер, лесной объездчик бывший, бывшего графа Олсуфьева, бывш~~его~~ имения его, теперь – совхоза – совершал объезд... конь внезапно остан~~авливается~~ – что такое? Смотрит – светится чуть на грязи, и слезает... – Крест! Старинный. Объездчик поднимается, рассматривает, князю бы...! любителю... могилы копал... далеко князь, – у Преподобного, говорят, ютится... Домик купили, живут в заводинке, тихо; пристроился к этим делам... там музеи... святое там в музеи, и мощи, говорят, косточки под стеклом, для показа... – (безожникам) – хранитель князь... Послать? На почте пропадет, замотают... верного человека... где они, верные! Спрячу дома... и то боязно ... замотают... И – “ты что это, голубчик, глядишь?” Со стороны, кто-то. Подход старичок, приятный, прохожий с сумочкой, с клюшкой... Объясняет – так и так... Это я Вам так развиваю, рассказ очень сухой и схематичный, обывательский, Васильчиков мне сказывал. – Словом, – да я туда и иду, к Угоднику» [2, с. 185-186]. Далее Шмелев рассказывает о том, как «старичок» пришел в дом Олсуфьева в Сергиевом Посаде, передал крест, а утром обнаружили, что он ушел, хотя «все заперто, все крючки и ставни, и двери» [Там же, с. 186]. Свидетельницы произошедшего – супруга графа и их родственница (племянница Васильчикова). О том, что эта история была известна эмигрантам, свидетельствуют пересказанные Шмелеву княжной С. Е. Трубецкой сведения: А. М. Осоргина (сестра регента Сергиева подворья М. М. Осоргина) видела и целовала тот крест.

Шмелев, как это видно из письма к Ильину, не сомневался в том, что «старичок» – Преподобный Сергей: «Там – Куликово Поле, одоление ига татарского – Преподобный Сергей! – и – Обитель Угодника! Благостие» [Там же]. Он высказал Ильину мысль о том, что это чудо «не вместить» рационалистам, он писал, что сам воспринимает его как «естество», которое ему «дается» [Там же]. В повести интеллигентно-рационалисты все же «вместили» чудо.

Сомнения – настолько свойственная человеку черта, что Зеньковский обратился к евангельским событиям. В пример он приводит потрясение и сомнение апостолов, которые были свидетелями Божественной силы Христа, но которые видели и преданного распятию Учителя. На них поначалу не произвели впечатления ни пустой гроб, ни отваленный камень, ни слова жен-мироносиц. Как писал апостол, «показались им слова их пустыми и не поверили им» (Лк. 24:11). Ученики подумали, что «унесли Господа из гроба» (Ин. 20:2). Апостол Петр, увидев лежащие пелены, отошел от могилы, «дивясь сам в себе бывшему» (Лк. 24:12). Апостолы не поверили ни словам Марии Магдалины, которой явился Спаситель, ни тем, кому Господь явился на пути в Эммаус. Все это объясняет слова Иисуса Христа об их «неверии и жестокосердии» (Мк. 16:14).

Когда ученики увидели Его, они смутились и даже испугались. Наконец, Зеньковский обращается к сюжету о неверии апостола Фомы и далее о его искренней вере в Воскресшего.

По сути, и Среднев, и следователь прошли путь Фомы. Вера в знамения поначалу понимается рассказчиком «Куликова Поля» как факт простодушной народной веры, что подтверждается сюжетом о том, как объездчик нашел старинный крест: находка его обрадовала, но не удивила, хотя крест лежал в пределах видимости – в наполненной водой колдобине. Более странным, скорее, был отказ коня проехать мимо места находки. Однако глубокая и непосредственная вера присуща и Ольге – дочери Среднева.

Итак, само явление креста – чудо. Чудом было и появление старца с посошком – «такие встречаются в народе» [9, с. 138]. Язык его явно архаичен, что объездчика, опять же, не смутило, подумалось, что старец говорит, «как Писание писано» [Там же]. Отметим, что речь Сергия представляла для Шмелева особую трудность (см. письмо к Бредиус-Субботиной от 7 января 1942 г.). Старец берется передать крест Средневым, поскольку сам направляется в «вотчину свою» [Там же, с. 139]. Объездчика «радостью осияло», он «в рассуждения не вдавался» [Там же, с. 140], тогда как рассказчик-следователь ищет объяснения и находит их в простых совпадениях.

Страсть рассказчика к объяснениям и доказательствам постепенно истончается во время его встречи со Средневым и Ольгой, которые в деталях поведали ему о приходе в их дом старца. Если Ольга видит гостя в сиянии, если ее поражает его сходство с иконным ликом Сергия, если она переживает «благоговейный и светлый ужас» [Там же, с. 156], то Среднев логически мотивирует и сияние, и то, что приготовленная для старца постель была не тронута, что не услышал, как старец ушел, что дверь изнутри закрыта на щеколду, что на снегу не было следов. Зеньковский объясняет сопротивление вере в чудо. Он исходит из того, что, во-первых, у возможностей разума есть границы, во-вторых, человек психологически не готов встретить чудо. Неверие в чудо порождает ряд вопросов, в том числе – откуда боязнь чуда? Шмелев как раз обращается к отмеченному Зеньковским психологическому комплексу. Оля говорит отцу: «Ищет твоя душа, Бо-га ищет!.. Но ты боишься, что вдруг все твое и рухнет, чем ты жил!.. <...> Все твои “идеалы” рухнули!..» [Там же, с. 161]. Зеньковский объясняет неверие в чудо религиозным нигилизмом или сомнениями в том, что Господь слышит человека.

Среднев, конечно, не нигилист, не вульгарный атеист, он уважает верующих, он даже под впечатлением от книги У. Джеймса «Многообразие религиозного опыта», появившейся в России в 1910 г. с предисловием С. В. Лурье. В ней объединены лекции Джеймса в Эдинбургском университете (1901-1902), в которых осмыслены сверхчувственные знания о высшей реальности, разнообразные мистические переживания. Упоминание «Многообразия религиозного опыта» объясняется интересом к ней Шмелева. Судя по письмам к Ильину от 8 и 18 февраля 1947 г., он целенаправленно искал это сочинение во время работы над повестью.

Но Шмелев ведет своего героя от интеллектуально-религиозного опыта по Джеймсу к непосредственной вере в явление Преподобного. 3 марта 1947 г. он сообщил Ильину, что Джеймс ему ничего не дал, а в письме от 10 марта 1947 г. написал: «Около-вокруг. Чем же тут восхищаться? а в свое время ка-ак нашумела книга! Хорошо, что хоть – оч<ень> пристойно» [3, с. 70]. 18 марта Ильин ответил: «Относительно Джемса – я так и думал, что он разочарует: бездуховное коллекционирование “случаев”...» [Там же, с. 71]. Не отрицая силы разума, Шмелев «интерпретировал как ложные те концепции знания», в которых человек стремится уяснить нерациональное через рациональное, через «искусственное конструирование реальной действительности из логических категорий» [5, с. 208, 209].

И рассказчик, и позже Среднев приходят к вере, не требующей объяснений. Они в конце концов принимают всю ситуацию как откровение. Следователь испытывает пароксизм вдохновения, он отдается не рассуждениям, а чувству, даже инстинкту. Как сказано в повести, «мы теперь обрели верную основу, таинственно нам дарованную в е р у» [9, с. 164]. По сути, оба приняли единоначалие и перестали мыслью тягаться с Богом. Они, по Зеньковскому, пришли к пониманию чуда как действия Бога. Поначалу Среднев силился объяснить явление святого Сергия природными законами, но признал, что это чудо проявилось через сверхприродные силы. Об этом писал и Зеньковский. Хотя и природные законы Зеньковский объяснял творчеством Всевышнего: стремление найти всюду порядок, связь причин и следствий соответствует христианскому восприятию Бога. После прозрения в сознании следователя оформилась мысль о порядке бытия, о том, что все сложилось так, как надо было.

Поражение логики происходит тогда, когда приходит понимание, что над линейным временем доминирует сакральное: день находки креста совпадает с днем появления старца у Средневых. И чудесная находка, и приход Сергия в свою «вотчину» случились в один день – в родительскую субботу 7 ноября (25 октября), а Куликово поле отстоит от Сергиева Посада на расстоянии более четырехсот верст. Произошедшее наконец-то признается реальным фактом. По Зеньковскому, такова литературная традиция. Более того, столь высокая истина проявляется в сюжете через прозаизмы. Чтобы восстановить в памяти дату чуда, Среднев находит в засаленной тетрадке пометку о дате получения пайка. На ряде примеров и Зеньковский показывал, как в древнерусской литературе сакральное проявляется через повседневное. Сюжет повести в целом подтверждает практику понимания повседневности как категориального аппарата философии и других гуманитарных наук (см.: Е. В. Гончаренко «Философско-эстетическая категория повседневности в истории литературы», 2011).

Традиционна для сюжетов о чуде и темпоральная специфика «вдруг». В житийном жанре познание истины бытия, встреча с Богом происходит в миг. Оля сразу, при первом взгляде на старца, увидела в нем чудесное явление. Среднева вдруг осенило сопоставить даты. О себе рассказчик пишет: «Все томившееся вдруг пропало, во мне засияла радостность» [Там же, с. 163].

Первый вариант повести был опубликован в «Возрождении» в январе-марте 1939 г. Шмелев отправил повесть Ильину, но Ильин, сам безусловно принявший реальный случай с Олсуфьевым, усомнился в том, что Шмелев в него поверил полностью. Шмелев согласился: «Бьюсь в сомнениях, не найду простой веры, детской...» [2, с. 264] – и вернулся к работе над текстом.

Отметим, что в том же 1939 г. Шмелев обратился к теории вероятности, к научному пониманию времени, к мотивировке повторяемости событий. Зеньковский же, когда писал о неслучайности случайностей и обращался к самой природе случайностей, то апеллировал к идеям французского математика, философа, экономиста А. О. Курно. По Курно, случайность – объективный результат не зависящих друг от друга причин. Согласно его концепции, степень вероятности более велика в математике, менее – в философии; научные знания обозначают предел проявления той или иной степени вероятности («Изложение теории шансов и вероятностей», 1843). Зеньковский писал о том, что чудо кроется в случайностях, в комбинации причинных рядов – и «Бог действует часто именно так» [1]. Таким образом, чудо коррелирует с природными закономерностями, не отменяет и не устраняет их. Вот и Шмелев, при его интересе к теории вероятности, все же размышлял над фразой из Апокалипсиса: «И времени уже не будет» (Откр. 10:36). В «Куликовом Поле» время – религиозно осмысленная тема: «было это, как миг... будто пропало время» [9, с. 156], «будто пропало время, не стало прошлого, а все – есть!» [Там же, с. 157], «не может рушиться только в е ч н о е» [Там же, с. 161].

В варианте 1947 г. Ильин увидел сердечную веру автора. Чудо часто составляет мифологическую линию сюжетов, однако в «Куликовом Поле», как в древнерусских житиях, хождениях, сказаниях, воинских повестях, оно реально.

Вернемся к вопросу о доверии опыту в философии. Ильин считал, что философия основывается на опыте, на предметной очевидности. Как писал Зеньковский в «Истории философии», Ильин (имеется в виду его труд 1925 г. «Религиозный смысл философии») в духе трансцендентализма связывает философию с опытом и считает, что только в полноте духовного опыта осуществляется реальное тождество духовного Предмета (Бога) и субъективного духа. В апологии опыта мы не видим противоречия с сутью переписки Ильина и Шмелева по поводу «Куликова Поля». Во-первых, в повести идет речь не о философии, но о вере. Во-вторых, как подмечает Зеньковский, Бог овладевает душой, а не разумом. Мы видим, что попытки героев повести понять чудо разумом были наивными. В-третьих, Ильин ни в коей мере не исключал духовного опыта, что и показано Шмелевым в «Куликовом Поле».

Зеньковский отдавал должное роли русской литературы в философии бытия. В ней он видел стремление к онтологизму прежде всего, а потом уже к теории познания. При этом он считал, что русская философия антропоцентрична, но не теоцентрична, не космоцентрична. Русская литература, включая XX и XXI вв., взяла в себя, на наш взгляд, все три направления онтологического поиска. «Куликово Поле», прежде всего, теоцентрично. «Богомолье» (1931) скорее антропоцентрично, хотя в нем описана аксиология верующего. Зеньковский в «Истории философии» как раз писал о том, что антропоцентризм не отменяет религиозного сознания. В «Богомолье» чудо принимается как данность и описано без малейших сомнений или попыток объяснить его логически: расслабленный обязательно излечится после благословения старца Варнавы; старичок помыл с молитвою язвы на ногах, и они исчезли, одни рубцы остались; встреча с Аксеновым воспринята как чудо Господне. Развернутая экспозиция «Богомолья» – рассказ о чудесном спасении Горкина и заступничестве Богородицы, об утерянном и затем чудесным образом найденном золотом Мартына.

Чудо – факт биографии Шмелева. Судя по очерку «У старца Варнавы» (1936), в его детском и зрелом восприятии батюшка Варнава – чудесный покровитель, который все знает и провидит. Ему, пятилетнему, он передал через мать крестик и предрек тяжелую жизнь; далее произошла встреча с о. Варнавой в начале писательского пути Шмелева, во время которой ему было предсказано превознестись талантом. В рассказе «Свет. Из разорванной рукописи» (1943) он описал чудесное спасение героя во время бомбежки, и этот сюжет созвучен реальному случаю, произошедшему с писателем уже после создания рассказа. 3 сентября бомба повредила его жилище, он чудом остался жив: оконное стекло, кусок штукатурки, обшивка дома были выбиты внутрь комнаты, где он находился. 5 сентября 1943 г. он написал Бредиус-Субботиной: «С постели, сквозь дощатые стены и драпри, я как будто увидел взрыв огня – и одновременно оглушительный взрыв, будто тысячи пушек ахнула в мои окна. Не помню, успел ли я спрятать голову под одеяло... вряд ли. <...> ...молниеносный ливень стекол – толщиной вдвое толще пятака – засыпал все...»; в окне он увидел «носилки с обнаженным телом конвульсивно двигающейся женщины» [4, с. 213].

Итак, темой чуда отмечен ряд произведений Шмелева, и «Куликово Поле» – кульминационное среди них. Как мы видим, в нем отразился опыт внешней и духовной биографии писателя. Сопоставление положений трудов Зеньковского и мотивов повести Шмелева говорит о стремлении писателя онтологизировать содержание своего произведения, что сближает его с русской философией – «фундаменталистской, т.е. постулирующей онтологическую укорененность» [7, с. 397] ценностей культуры.

Список источников

1. **Зеньковский В. В.** О чуде. Возможность и реальность чудес [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gr-net.ru/book/articles/bogoslovie/zn-o-chude.php> (дата обращения: 25.01.2018).
2. **Ильин И. А.** Собрание сочинений: переписка двух Иванов (1935-1946) / сост., коммент. Ю. Т. Лисицы. М.: Русская книга, 2000. 576 с.
3. **Ильин И. А.** Собрание сочинений: переписка двух Иванов (1947-1950) / сост., коммент. Ю. Т. Лисицы. М.: Русская книга, 2000. 528 с.

4. **И. С. Шмелев и О. А. Бреднус-Субботина. Роман в письмах:** в 2-х т. М.: РОССПЭН, 2004. Т. 2 / подгот. текста, коммент. А. А. Голубковой, О. В. Лексиной, С. А. Мартыановой, Л. В. Хачатурян. 856 с.
5. **Кирвель Ч. С., Бородич А. А.** Русская мысль в поисках «сверхнационального» гуманистического начала бытия // Творчество И. С. Шмелева в аксиологическом аспекте. XIII Крымские международные Шмелевские чтения. Симферополь: Алуштинский литературно-мемориальный музей С. Н. Сергеева-Ценского, 2005. С. 208-215.
6. **Любомудров А. М.** Философия и эстетика В. С. Соловьева в художественном мире Ивана Шмелева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8. Литературоведение. Журналистика. 2010. Вып. 9. С. 22-28.
7. **Романов О. А.** Православные основания русской философской мысли и их современный смысл // И. С. Шмелев и литературно-эмигрантские процессы XX века. Наследие И. С. Шмелева. Текст. Контекст. Интертекст. Симферополь: Алуштинский литературно-мемориальный музей С. Н. Сергеева-Ценского, 2007. С. 392-398.
8. **Сотков В. А.** Феномен праведничества в прозе И. С. Шмелева 1920-1930-х гг.: автореф. дисс. ... к. филол. н. Нижний Новгород, 2017. 22 с.
9. **Шмелев И. С.** Куликово Поле // Шмелев И. С. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Русская книга, 1998. Т. 2. Въезд в Париж / сост., авт. предисл. Е. А. Осьминина. С. 132-164.

“THE KULIKOVO FIELD” BY I. S. SHMELEV IN THE LIGHT OF V. V. ZENKOVSKY’S IDEAS

Solntseva Natal'ya Mikhailovna, Doctor in Philology, Professor
Bayana Hatice

Lomonosov Moscow State University
natahasolnceva@yandex.ru; haticebayana@gmail.com

The article is devoted to the intellectual context and the real sources of the motives of I. Shmelev’s story “The Kulikovo Field (The Investigator’s Story)”. The main theme of the study – the phenomenon of miracle in the interpretation of I. Shmelev and V. Zenkovsky (“On the Miracle. The Possibility and Reality of Miracles”) – has not been the subject of scientific reflection yet. As a result, the authors establish the commonality of key ideas of texts, the perception of metaphysical phenomena as reality by the writer and philosopher. The paper describes the point of view of Shmelev on the ideas of W. James, Zenkovsky – on the ideas of A. A. Cournot and I. Ilyin, which introduces new aspects in the research of the text of “The Kulikovo Field”. The story is considered as a literary reception by Shmelev of his spiritual quest and doubt, which is confirmed by his correspondence with I. Ilyin. The work observes the plot-forming role of facts from the life of the art historian, restorer Yu. A. Olsufiev.

Key words and phrases: apostles; James; Zenkovsky; Ilyin; Cournot; Olsufiev; probability theory; miracle; Shmelev.

УДК 82-3

Дата поступления рукописи: 13.01.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-2.15>

Статья посвящена анализу художественных особенностей современной чувашской малой прозы. Предметом исследования стали рассказы и диалоги С. Азамат. Установлено, что писатель использует разные формы диалога: интервью; разговор героя со своим внутренним «я»; беседа влюбленных; двух друзей; двух женщин, раскрывающих премудрости семейной жизни; бабушки и внука и другие. Герои представлены в роли ученика и учителя, двух собеседников. Через диалог автор передает размышления о значении истинной любви, будущем чувашского языка, дружбе и предательстве, взаимоотношении между поколениями. Нередко произведения носят дидактический характер.

Ключевые слова и фразы: рассказ; диалог; миниатюра; С. Азамат; чувашская литература; гармония; дидактика; интервью; инсценировка; монолог.

Софронова Ирина Владимировна, к. филол. н., доцент
Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары
mixtar2@yandex.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ЧУВАШСКОЙ МАЛОЙ ПРОЗЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА С. АЗАМАТ)

Одной из основных тенденций современной чувашской прозы является тяготение к малым жанрам. М. Карягина, Ю. Силем, Л. Маяксем, В. Антонов, Н. Карай, А. Казанов, Л. Филиппова, В. Тарават и другие авторы находят возможность реализовать свой творческий потенциал в краткой форме. Исследуя особенности малого жанра, литературоведы отмечают, что «современный прозаический жанр начал “сжиматься”. Высказываемое слово более тяготеет к краткости, образность теснее связывается с душой героя» [4, с. 331]. В связи с этим художественный смысл произведений стал значительно глубже, насыщеннее. Писатели уделяют внимание отдельной личности. Часто это ничем неприметный человек, со своими переживаниями и размышлениями. Описывается конфликт, происходящий не между двумя противоположными персонажами, а внутри самого героя. Во многих произведениях центральное место занимает даже не сам персонаж, а испытываемое им чувство. «Малые формы прозы конца XX – начала XXI в. органично выражают особенности мироощущения современника, своеобразие его духовного мира» [2, с. 3].